

Е. В. ТАРЛЕ
В КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ МИРНЫХ ДОГОВОРОВ
И ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА
(1943—1945 гг.)

О деятельности Евгения Викторовича Тарле в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства стало известно лишь в очень недавнее время. Когда в 1994 г. я писал книгу о Е. В. Тарле, то мог сказать лишь о самом факте его членства в этой Комиссии.¹ С тех пор, однако, многие закрытые ранее документы стали доступны исследователям и частично опубликованы.² Таким образом появилась возможность осветить эту страницу биографии знаменитого историка и, может быть, коснуться в этой связи некоторых более широких проблем.

Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Наркомате иностранных дел СССР была создана 4.IX.1943 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б). Председателем ее был назначен заместитель наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинов, в состав Комиссии вошли С. А. Лозовский, Д. З. Мануильский, Я. З. Суриц, Е. В. Тарле и Б. Е. Штейн.³ Комиссия носила консультативный характер и должна была обеспечивать советское руководство квалифицированными экспертизами и предлагать различные варианты решения проблем, ставших на повестку дня ввиду приближающегося победоносного окончания войны.⁴ Немецкий историк М. Шульце-Вессель характеризует Комиссию Литвинова как «штаб советского послевоенного планирования» и указывает, что не случайно во главе ее был поставлен бывший нарком иностранных дел М. М. Литвинов, хорошо знавший Запад и «не делавший секрета из своего дистанцированного отношения к „провинциальному“ московскому руководству Министерства — Молотову, Вышинскому и Деканозову».⁵ По-видимому, в этих словах содержится значительная доля истины. Во всяком случае, по своему составу Комиссия не была «молотовской». Бывший советский посол в Турции, Германии и Франции Я. З. Суриц и бывший посол в Финляндии и Италии Б. Е. Штейн были виднейшими дипломатами так называемой литвиновской школы. Этого определенно нельзя сказать о С. А. Лозовском, который в течение многих лет возглавлял Профинтерн, а заместителем наркома иностранных дел был назначен 15.V.1939 г. через 12 дней после отставки Литвинова. В не большей степени «человеком Литвинова» был и Д. З. Мануильский, почти 20 лет являвшийся одним из руководителей Коминтерна и главным советским представителем в нем. Оба они, однако, были профессиональными международниками, хорошо знали Запад, в том числе по личному опыту, и являлись членами ЦК ВКП(б).

Интересно, что сам М. М. Литвинов в записке на имя В. М. Молотова от 3.VIII.1943 г., направленной также Сталину и другим членам советского руководства, предлагал следующий состав Комиссии: «1. Майский (зам. председателя). 2. Суриц. 3. Варга. 4. Штейн. 5. Тарле. 6. Ерусалимский».⁶ Однако в утвержденный Политбюро состав Комиссии не вошли ни бывший советский посол в Англии И. М. Майский, ни директор Института мирового хозяйства и мировой политики Е. С. Варга,⁷ ни известный советский историк-германист А. С. Ерусалимский. Таким образом, в составе Комиссии Е. В. Тарле был единственным недипломатом и единственным беспартийным. Разумеется, деятельность Комиссии была строго засекречена.

Первое заседание Комиссии состоялось 8.IX.1943 г. Открывая заседание, Литвинов, как гласит протокол, «знакомит членов Комиссии с подготовленным им списком вопросов, которыми должна заниматься Комиссия, и поясняет, что Комиссия должна по каждому вопросу давать краткую справку по истории вопроса, готовить материал о тех течениях и мнениях, которые по данной проблеме имеются за границей, а также делать выводы и предложения в одном или нескольких вариантах <...> Из списка исключены вопросы, касающиеся Дальнего Востока, поскольку мы не находимся в войне с Японией, а когда кончится война Англии и США с Японией, еще неизвестно, и у нас будет достаточно времени, чтобы подготовиться к этим проблемам. Далее тов. Литвинов объясняет, что в список не вошли вопросы перемирия, репарации и наказания преступников войны как отнесенные к другим комиссиям».⁸ Подробный список вопросов, который Литвинов послал на утверждение Молотову и Сталину, занимает несколько страниц.⁹

Затем состоялось довольно красноречивое выяснение позиций. «Тов. Тарле задает вопрос о методе работы: нужно ли будет давать чисто историческую, объективную справку, скажем, о вопросе выделения Восточной Пруссии, или по всем вопросам у нас уже есть ответы, т. е. мнение правительства, на основании которого мы должны разрабатывать материал. Тов. Литвинов поясняет, что постановка вопроса в списке не значит, что вопрос решается нами положительно. Например, если мы против выделения Восточной Пруссии, то надо так и сказать. Это относится ко всем вопросам».¹⁰

Нам известны несколько записок и справок Е. В. Тарле, представленных в Комиссию Литвинова. Первая из них, зарегистрированная секретариатом 11.X.1943 г. и, по-видимому, составленная несколькими днями ранее,¹¹ содержит краткий исторический обзор объединения Германии и обосновывает следующий тезис: «Безопасность России повелительно требует: 1. Обезвреживания Пруссии, без чего немислимо прекращение попыток новой агрессии со стороны Германии и 2. Решительной борьбы против искусственной насильственной централизации государственной системы Германии».¹² «Первая цель, — полагает Тарле, — может быть достигнута прежде всего отделением в том или ином виде: а) Восточной Пруссии от Пруссии и Германии. Существование ее в виде отдельного государства или отдача ее полякам (плохое решение задачи), но так или иначе, Восточная Пруссия не может оставаться боевым форпостом против России; б) отделением Силезии, что и предусматривается, по-видимому; в) отделением Вестфалии (во главе с Ганновером), где вражда к пруссачеству была сильнее, чем даже в Южной Германии. Шлезвиг и Голштиния безусловно должны отойти от Германии».¹³

«Что касается остальной Германии, — продолжает Тарле, — то здесь крайне желательно: 1. Отделение Баварии. 2. Отделение Вюртемберга. 3. Отделение Бадена в виде самостоятельных государств, чем они в сущности и оставались по конституции вплоть до конца войны 1914—1918 гг. <...> 4. Отделение в виде (всегда существовавших) республик Гамбурга, Бремена, Любека».¹⁴ «Ликвидация великодержавной милитаристской Пруссии — необходимейшая предпосылка к обезвреживанию Германии как возможного агрессора, — убежден Тарле. — И при расчленении Пруссии меньше всего приходится придавать значения притворным воплям о „самоопределении“ этого составленного из разных кусков государства».¹⁵

«Федеративное устройство будущей Германии, конечно, не решает вопроса так целесообразно, как расчленение Германии, — переходит Тарле к другому варианту. — <...> Конечно, в случае создания германской федерации в интересах мира и ограждения от агрессивных поползновений со стороны Германии желательно установить полную самостоятельность отдельных государств <...> Возможны две федерации — Северная (Пруссия, Мекленбург, Ольденбург, ганзейские города, Ганновер, Брауншвейг, Саксония

и т. п.) и Южная (Бавария, Баден, Гессен, Вюртемберг, Рейнланд)».¹⁶ Все эти соображения Тарле иллюстрирует историческими примерами.

Вторая записка Е. В. Тарле по германскому вопросу, также переведенная и опубликованная М. Шульце-Весселем, датируется им декабрем 1943 г.¹⁷ В ней Тарле развивает и уточняет свои соображения о том, как поступить с Германией, и подробно останавливается на саарском вопросе. «Саарский вопрос естественно может интересовать нас только в плане желательного ослабления индустриальной мощи Германии, — замечает Тарле. — <...> То, что эта область безусловно должна быть освобождена из-под власти и эксплуатации Пруссии, в руках которой она оказалась, не подлежит сомнению. Если бы не возражения Англии и Америки в 1919 г., Саарская область уже тогда была бы полностью или частично передана Франции <...> Но после того, как Клемансо и Фош покинули политическую арену и тон стала задавать гибельная политика сначала Бриана, а потом Даладье и Лавалья, Саарская область оказалась фактически совершенно беззащитной против любой агрессии со стороны Германии. Эта политика была продиктована тремя мотивами: 1) страхом перед призраком новой войны, 2) роковым заблуждением, что и немцы хотят мира и не следует только задевать их деликатные патриотические чувства, и 3) убеждением, что Германия является не врагом, а союзником в предстоящем спасении Европы от большевизма. Эта политика <...> после смерти Пуанкаре проводилась без каких-либо ограничений».¹⁸ Таким образом, здесь Тарле впервые открыто одобряет курс наиболее экстремистских французских политических деятелей после первой мировой войны. «Если бы удалось отделить от Саарской области по крайней мере часть и присоединить ее к Франции (как это планировали Фош и Клемансо), это было бы, с нашей точки зрения, наилучшим решением. Еще лучше было бы создать из Саарской области самостоятельное государство, но это едва ли удастся, — полагает историк. — <...> Наши интересы требуют максимальной поддержки того, чего потребуют французы. Чего именно они потребуют, мы пока точно не знаем <...> Наше *conditio sine qua non* ограничивается одним: отделить Саарскую область от Пруссии».¹⁹

Что касается Германии в целом, то Тарле убежден, что отделения Восточной Пруссии, Эльзас-Лотарингии, Шлезвига и Силезии недостаточно для радикального ослабления немецкой мощи. «Единственным средством, которое может иметь серьезное значение, было бы: 1) Расчленение Пруссии, по крайней мере путем обеспечения широкой автономии (в рамках Германии, а не Пруссии) Ганновера, Рура и Рейнской области. 2) Создание самостоятельных государств Баварии, Бадена, Гессена и Вюртемберга».²⁰ Тарле предостерегает против восстановления Веймарской конституции 1919 г., которая была, по его мнению, чересчур централистской. «Только если пренебречь после войны патриотическими воплями втайне остающейся нацистской прессы и твердой рукой провести эти радикальные изменения в государственном устройстве Германии — только тогда можно будет действительно обезвредить Пруссию. Иначе ничего реального для создания безопасности в Европе сделать нельзя. Все остальное в Германии не имеет ни малейшего значения», — решительно утверждает он.²¹

По неизвестным нам причинам Е. В. Тарле не участвовал в заседании Комиссии 14.III.1944 г., на котором обсуждалась записка М. М. Литвинова «Обращение с Германией», направленная им двумя днями ранее Молотову и Сталину.²² В протоколе это заседание оформлено как «частное совещание членов Комиссии», в котором приняли участие все остальные ее члены и состоялась интересная дискуссия²³ (о ней далее). Во всех последующих заседаниях Комиссии он принимал участие или, ознакомившись с материалами, подавал свое мнение в письменном виде.

Помимо записок по германскому вопросу²⁴ Тарле представил в Комиссию Литвинова справку «Франко-русские отношения», зарегистрированную

29.XII.1943 г.²⁵ Она выдержана в «раскованном» тоне, изобилует «красочными» подробностями анекдотического характера и дает односторонне-апологетическую версию истории франко-русских отношений.²⁶ Повидимому, такая справка очень не понравилась Литвинову. Открывая 25.III.1944 г. заседание комиссии, посвященное обсуждению его записки «Обращение с Францией», Литвинов сказал, явно имея в виду Тарле: «Есть немало людей, которые серьезно полагают, что между Францией и Россией до революции существовала полная гармония интересов и неизменное сотрудничество. Я хотел показать, что исторические факты этому противоречат <...> Если вы находите мои предпосылки неправильными, то я просил бы вас указать, к каким выводам вы приходите и что вы можете предложить нашему правительству отличное от того, что рекомендуется в этой записке».²⁷

В своей записке и последовавшей дискуссии Литвинов занял очень жесткую позицию в отношении Франции, утверждая, что в 1940 г. она «пала так низко, как никогда еще ни одна великая держава», и задаваясь вопросом, «должны ли мы поднять Францию из той пропасти, в которую она свалилась».²⁸ «В интересах ли нашего государства искусственное возрождение Франции, можем ли мы рассчитывать на более успешное сотрудничество с ней, чем это удавалось в прошлом, и будет ли она на нашей стороне при тех расхождениях, которые могут и, вероятно, будут иметь место по окончании войны?» — спрашивал Литвинов.²⁹ Он полагал, что Франция после войны будет идти в фарватере английской политики и не в интересах Советского Союза усиливать ее, предоставляя ей статус великой державы.

Первым в дискуссии выступил Тарле, заявивший, что с исторической частью записки Литвинова он вполне согласен. «Что касается выводов, то тов. Тарле думает, что никогда Франция уже не будет великой державой (во всяком случае, пока наши поколения живут). Это безнадежное дело <...> Но тут нужно точнее подумать, всегда ли наша чисто созерцательная политика в отношении Франции будет оправдываться нашими интересами? <...> Он не возражал бы против сильной Франции, она могла бы быть противовесом англосаксам, но жертвовать из-за нее дипломатическими отношениями не стоит».³⁰

Более решительно позицию Литвинова оспорили Лозовский и Мануильский. Соглашаясь с тем, что Франция не может стать великой державой в довоенном смысле, Лозовский спрашивал: «В интересах ли Советского Союза не поддерживать возрождение Франции как силы, правда, не такой, какой она была, но как силы, которая может оказать известное противодействие Англии? Иначе англичане будут единственными хозяевами в Европе».³¹ «Вот почему нужно сделать нашу политику более гибкой. Сказать, что мы вообще не заинтересованы в том, чтобы Франция стала сильной, нельзя <...> Крест ставить над Францией нельзя и выводы нужно основательно пересмотреть», — полагал он.³² Аналогичной была позиция Мануильского, заявившего: «Мы не заинтересованы в том, чтобы в Европе воцарилась гегемония англичан или своего рода кондоминиума Англии и Америки <...> Мы должны до известных пределов поддерживать Францию, уметь маневрировать и играть на англо-французских противоречиях».³³

Суриц и Штейн в общем поддержали позицию Литвинова, полагая, что «англо-французский блок против нас <...> представляется гораздо большей реальностью, чем франко-советский против Англии» (Суриц)³⁴ и что «Франция после войны, конечно, будет орудием Англии на Европейской континенте независимо даже от разногласий» (Штейн).³⁵ Литвинов упорно отстаивал свою точку зрения и поставил вопрос очень конкретно: «Должны ли мы позволить вытащить Францию на мировую арену в качестве великой державы и предоставить ей то место, которое пока отводится только Советскому Союзу, Англии, Соединенным Штатам и в некоторых случаях Ки-

таю?.. Дело обстоит так, что несомненно Англия и Америка будут вытаскивать Францию и стараться дать ей 5-е место в директории. Это значит, что Англия будет иметь два голоса и Америка два голоса, свой и Китая <...> Должны ли мы усиливать голос Англии в этом Совете?»³⁶ Тарле на это заметил: «Голосовать против допущения Франции нельзя будет — это другой вопрос, но нет сомнений, что во всех европейских вопросах французы будут нашими антагонистами».³⁷ Мануильский еще раз уточнил проблему: «Махнуть ли нам рукой на Францию заранее, решив, что она явится вассалом Англии и США, или вести единственно целесообразную политику игры на противоречиях между Англией, Америкой и Францией?»³⁸ Литвинов остался при своей точке зрения.

Эта же проблематика отчасти рассматривалась и на следующем заседании Комиссии, состоявшемся 28.IV.1944 г. и посвященном обсуждению записки Литвинова «Международная организация безопасности». Литвинов предлагал включить в руководство этой организации СССР, США, Англию и Китай, которые таким образом институционализировались как «великие державы». Поддержал его в этом только Суриц. Лозовский указывал: «Вряд ли нам с политической точки зрения выгодно занимать позицию недопущения Франции в руководящий состав».³⁹ Штейн также заметил: «В вопросе об устранении Франции из руководящего центра организации мне представляется, что у нас ничего не выйдет. Это чувствуется уже сейчас».⁴⁰ Мануильский и Тарле на заседании не присутствовали. Тарле изложил свое мнение в письменном виде. Он замечал: «Рядом с Англией, Соединенными Штатами и Советским Союзом ставится Китай. Но ведь если установлен такой строгий критерий, который (впрочем, довольно основательно) исключает из списка сильнейших держав мира Францию, то ведь подавно решительно ни для кого не тайна, что Китай вовсе не является и никогда с XV и XVI в. не являлся великой державой <...> Мне кажется, что хорошо бы этот пункт нынешнего дипломатического творчества наших союзников очень серьезно, внимательно и критически проанализировать и апрофондировать».⁴¹ Литвинов уже в своем вступительном слове ответил на это замечание Тарле: «Я сам понимаю, что здесь речь идет о трех великих державах, а Китай будет числиться номинально, но мы вынуждены говорить о четверке».⁴² С этим были согласны все.

Тарле не присутствовал и на 7-м заседании Комиссии Литвинова, состоявшемся 8.VI.1944 г., на котором обсуждалась проблема Трансильвании. По этому вопросу особых разногласий между членами Комиссии не было. В записке Литвинова указывалось, что эту область, на которую претендовали Венгрия и Румыния, можно было бы передать Румынии «взамен ее полного и окончательного отказа от Бессарабии и Буковины, но это возможно при условии гарантий и некоторого нашего контроля над дальнейшей политикой Румынии». Сомневаясь в надежности таких гарантий, «даже если правительство будет заменено другим и поведет другую политику», Литвинов замечал: «Остается возможность выделения Трансильвании в самостоятельное государство <...> В дальнейшем я не исключаю федерации из Венгрии, Румынии и Трансильвании, если мы действительно сможем влиять на политику Венгрии и Румынии».⁴³ Суриц высказался за передачу Трансильвании Румынии, указывая, что «в наших же интересах <...> всегда отдавать предпочтение этническому фактору над историческим, имея в виду наш спор с Польшей».⁴⁴ Лозовский и Мануильский выступили за создание самостоятельной Трансильвании без федерации. Очень откровенной была аргументация Б. Е. Штейна: «Что сделал Гитлер? Путем разделения Трансильвании на две части (между Румынией и Венгрией) он создал для себя рычаги одновременного воздействия на обе страны. Следует признать, что он пользовался этими рычагами довольно неплохо с точки зрения своих интересов. Теперь если будет создана независимая Трансильвания, то будет создана такая же воз-

можность одновременного воздействия как на Румынию, так и на Венгрию».⁴⁵

Такова же по существу была позиция Тарле, изложенная им письменно: «Трансильвания в руках Венгрии или Румынии не может быть не чем иным, как 1) очень большим придатком могущества одной из этих одинаково прогерманских и одинаково злобно-фашистских держав; 2) вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье и вечным поводом к разжиганию новых войн; 3) конечно, наиболее желательным выходом было бы превращение Трансильвании в самостоятельное государство под формальной гарантией будущей (проектируемой) организации держав <...> Всякое другое решение вопроса для нас невыгодно. Но если уж выбирать из двух зол, то меньшее зло отдать Трансильванию Румынии, потребовав за это те или иные серьезные компенсации».⁴⁶

На заседании Комиссии 4.IX.1944 г. обсуждалась записка Литвинова «Обращение с Италией». Здесь роли переменялись по сравнению с обсуждением аналогичной записки о Франции. Литвинов отстаивал более мягкое отношение к Италии, полагая, что «она для нас угрозы не представляет и что не исключена возможность нашего сотрудничества с ней».⁴⁷ Лозовский, соглашаясь с тем, что Италию нельзя ставить в один ряд с Германией, считал, что ее следует наказать, чтобы она «по-настоящему почувствовала результаты этой войны», и не был уверен в том, что «наши интересы с Италией никогда не сталкивались и никогда не столкнутся».⁴⁸ Тарле поддержал Лозовского и напомнил, что итальянские войска сражались против России в 1812 г. и в Крымской войне. «Если Болгарии, Румынии и Италии удастся сейчас отвернуться — это будет нехорошо, — полагал он. — Моральный принцип наказания — он не плох на будущее время. Ведь предстоит тревожные еще времена, и память об известном рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь действие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас».⁴⁹ Исторический аргумент Тарле был оспорен Штейном, указавшим, что «в войсках Наполеона были почти все нации Европы и этот пример не показателен» и вообще данные примеры «не меняют положения записки о том, что подлинные интересы Италии и России в прошлом не сталкивались».⁵⁰ «Какое соотношение сил будет на Средиземном море после окончания войны? Нет сомнения в том, что в бассейне Средиземного моря Великобритания попытается осуществить свою гегемонию. Заинтересованы ли мы в том, чтобы у нас на Средиземном море были какие-либо опорные пункты? <...> Италия может быть для нас таким пунктом», — так Штейн разяснял и обосновывал позицию Литвинова.⁵¹

Таковы основные имеющиеся в нашем распоряжении данные о деятельности Е. В. Тарле в Комиссии Литвинова.⁵² Протоколы заседаний Комиссии и основные материалы, подготовленные в ней, направлялись Молотову и, вероятно, Сталину.

Переходим к анализу и оценке приведенных материалов. Прежде всего напомним, что в годы второй мировой войны планы будущего «обезвреживания» Германии и в связи с этим ее возможного расчленения дебатировались в правительственных кругах и прессе различных стран антигитлеровской коалиции, прежде всего Англии и США (так называемые план Ванситарта, план Моргентау и т. д.). Конечно, тезис официальной советской историографии о том, что, разрабатывая такие планы, англо-американские империалисты стремились к уничтожению Германии как своего империалистического конкурента, а СССР стоял всегда за единую демократическую Германию, может вызвать сегодня только ироническую улыбку. Но не следует впадать в ослепление и думать, что такие проекты разрабатывались только в Советском Союзе. Преступления фашистской Германии были еще слишком свежи, а ожесточение слишком сильным. Должно было пройти вре-

мя, прежде чем на Западе восторжествовали более разумные и гуманные концепции.

Проф. М. Шульце-Весселю принадлежит заслуга введения в научный оборот двух цитированных выше записок Е. В. Тарле по германскому вопросу. Однако его интерпретация этих документов вызывает у меня много сомнений. Этот автор полагает, что «советская дипломатия в 1942—1943 гг. последовательно избегала отождествлять национал-социализм с пруссачеством», поскольку Сталин, считаясь с перспективой заключения сепаратного мира с Германией, «оставлял открытой возможность договориться с прусской элитой рейха».⁵³ Проявлением этого курса немецкий историк считает создание в СССР 13.VII.1943 г. Национального комитета «Свободная Германия» при участии пленных немецких офицеров. Противоположной точки зрения придерживались, по его мнению, Черчилль и часть американского руководства, предлагавшие превратить Германию в федеративное государство, предпосылкой чего являлась ликвидация Пруссии как единой государственной единицы.⁵⁴ Тарле, занимавший явно антипрусскую позицию, был, как полагает М. Шульце-Вессель, близок к точке зрения западных союзников и «готов был — в рамках возможного — критиковать официальную политику».⁵⁵

Это построение представляется мне надуманным и искусственным, даже если не касаться вопроса о сталинских планах сепаратного мира с Германией, до сих пор остающихся в сфере спекуляций. Более широкое и внимательное ознакомление с материалами Комиссии Литвинова рисует совершенно иной контекст, чем тот, который намечает М. Шульце-Вессель (следует отметить, что и позиция Англии представлена у него несколько «стилизованно» и вне динамики).

27.IX.1943 г. Е. С. Варга направил М. М. Литвинову справку «Варианты расчленения Германии и их экономические и военные последствия», подготовленную сотрудниками Института мирового хозяйства под его руководством.⁵⁶ 9.X.1943 г. Д. З. Мануильский представил в Комиссию справку «К вопросу о предотвращении агрессии со стороны Германии в будущем».⁵⁷ 11.X.1943 г. Я. З. Суриц подал две записки «Формы государственного устройства Германии» и «Децентрализация Германии».⁵⁸ Во всех этих документах рассматриваются различные варианты «обезвреживания» Германии, ее расчленения и ликвидации прусской гегемонии в ней. М. М. Литвинов в записке «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе», представленной им 9.X.1943 г. В. М. Молотову,⁵⁹ определенно высказывался за расчленение Германии и ослабление в ней прусского влияния, причем в этой записке использованы материалы записок Е. В. Тарле (в исторических экскурсах) и Я. З. Сурица.⁶⁰ Еще более решительно Литвинов отстаивал эту точку зрения в упомянутой выше итоговой записке «Обращение с Германией» от 9.III.1944 г. В январе 1945 г. эта записка была затребована Молотовым, и Литвинов сделал ее краткое резюме.⁶¹ Наконец, еще 21.XI.1941 г. Молотов сообщал в телеграмме Майскому: «Сталин думает, что Австрия должна быть отделена от Германии, а сама Германия должна быть разбита на ряд более или менее самостоятельных государств, чтобы создать тем самым гарантию для спокойствия европейских государств в будущем».⁶²

В свете всего этого позиция Е. В. Тарле отнюдь не выглядит сколь-нибудь «диссидентской». Заметим в скобках, что М. Шульце-Вессель явно преувеличенно представляет себе способность Тарле, прошедшего в 1930—1931 гг. через сталинские застенки, на открытую оппозицию Сталину. Приведенный выше вопрос Тарле Литвинову в начале работы Комиссии не оставляет в этом никаких сомнений.

Представляется также очень сомнительным утверждение М. Шульце-Весселя о «прусском направлении» (*preußische Option*) советской политики

военных лет. Обличение прусской военщины как предшественницы и прародительницы нацизма было одним из центральных мотивов военной идеологии и пропаганды всех стран антигитлеровской коалиции, в том числе, конечно, и Советского Союза. Это очевидно для всякого, знакомого с тогдашней советской прессой и литературой. Был выпущен и специальный сборник цитат из классиков марксизма.⁶³ Создание в СССР летом 1943 г. комитета «Свободная Германия», вызвавшее обеспокоенность английского правительства, советское руководство в объяснениях с ним представляло как пропагандистскую акцию, рассчитанную на немцев.⁶⁴ Вероятно, по большей части так оно и было. Во всяком случае, Сталин был достаточно гибким и «диалектичным», чтобы проводить одну пропаганду внутри страны, другую — для немецкого населения и реальную политику, в очень малой степени связанную с той и другой.

Наблюдения М. Шульце-Весселя представляют, однако, интерес для понимания некоторых моментов в литературе немецкой коммунистической (или близкой к коммунистам) эмиграции. Так, из статьи члена комитета «Свободная Германия» в Швейцарии выдающегося литературоведа Ганса Майера мы узнаем, что один из лидеров немецкой коммунистической эмиграции в Англии Юрген Кучинский 28.VII.1943 г. прочитал в «Свободном Немецком Культурбунде» в Лондоне доклад, посвященный 130-летию со дня смерти прусского военного деятеля Герхарда фон Шарнхорста. «Едва ли возможно лучшее опровержение тезиса о неизменно реакционном, бесчеловечном и диктаторском характере немецких солдат и полководцев, чем жизнь этого народного генерала Шарнхорста», — писал в 1944 г. еврейский эмигрант Г. Майер, добавляя: «Великие демократы и свободные люди, такие как Гнейзенау и Бойен, Шарнхорст и Штейн, в пропагандистских целях выступают духовными предшественниками немецкого генерального штаба 1914 и 1939 гг.».⁶⁵ Наиболее ценным продуктом этой «конъюнктуры» несомненно была статья Георга Лукача «О пруссачестве», опубликованная в 1943 г. в Москве на немецком языке.⁶⁶ Знаменитый марксистский философ, живший тогда в эмиграции в СССР, дает в этой статье глубокий культур-философский анализ феномена пруссачества, рассматривая в этой связи не только Фридриха II и Бисмарка, которых он признает значительными фигурами, но и Г. фон Клейста, Т. Фонтане и Т. Манна. Лукач не демонизирует пруссачество и не отождествляет его с гитлеризмом, но и ни в коей мере не идеализирует его, призывая к демократическому обновлению Германии.

Как известно, Пруссия как государственное образование была ликвидирована постановлением Контрольного совета в Германии 25.II.1947 г., и ныне ее бывшая территория, за исключением Восточной Пруссии и Силезии, переданных по решению Потсдамской конференции Польше и Советскому Союзу, образует в ФРГ несколько отдельных земель.

Попытаемся подвести некоторые итоги. Деятельность Комиссии М. М. Литвинова несомненно заслуживает специальной монографии, какой данная статья ни в коей мере не является. Конечно, первое, что бросается в глаза при знакомстве с ее материалами, — это чисто «реально-политическое», великодержавное мышление всех ее членов. Мы не находим здесь никаких разговоров о «социализме», «праве народов» и т. п., речь идет всегда только о государственных интересах Советского Союза.⁶⁷ При этом в Комиссию входили наиболее интеллигентные и идейные советские дипломаты старшего поколения, старые большевики или бывшие меньшевики, а не пришедшие им на смену сталинские чиновники, которые своих предшественников, как известно, очень не любили и всячески принижали их значение. В отношении «имперского» подхода никаких различий между членами Комиссии обнаружить невозможно. Е. В. Тарле в этой среде был человеком

совершенно иной биографии и идейной генеалогии — единственным беспартийным и своего рода «буржуазным специалистом». Думается, однако, что, работая в Комиссии, ему не приходилось особенно насилловать себя — ведь он всегда стоял на таких позициях и был «умным либеральным империалистом», если вспомнить слова Г. Лукача о М. Вебере. Вероятно, П. Н. Миллюков, оказавшись он в составе такой комиссии, вел бы себя не иначе.

Между прочим, то, как Литвинов вел Комиссию, подтверждает отзыв о нем А. И. Микояна: «М. М. Литвинов был острый, крутой и решительный человек. Он быстро решал вопросы».⁶⁸ Напротив, сомнения вызывает утверждение о Литвинове современного английского автора: «Он оставался наиболее прозападным из всех советских государственных деятелей, причем последовательнее, в лучшие и худшие времена, как обладая властью, так и лишившись ее».⁶⁹ Постоянным оппонентом Литвинова в Комиссии был С. А. Лозовский. Как показало будущее, в некоторых вопросах прав был Литвинов, в других — Лозовский. Тарле, как мы видели, чаще поддерживал Лозовского, чем Литвинова. Вообще же послевоенное развитие во многом пошло совсем иными путями, чем это виделось даже очень умным и компетентным специалистам, естественно исходившим из опыта прошлого. Мы не занимаемся здесь вопросом, в какой мере анализы и рекомендации Комиссии Литвинова оказали влияние на формирование советской внешней политики в послереволюционный период. Как известно, в 1946 г. и М. М. Литвинов, и С. А. Лозовский (а также И. М. Майский) были отправлены Сталиным в отставку. Материалы Комиссии вносят живые краски в дискуссию о соотношении идеологического и реально-политического моментов в советской внешней политике.

Возвращаясь к Е. В. Тарле, следует отметить, что наиболее интенсивный период работы Комиссии Литвинова совпал с совещанием историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г., на котором ряд участников критиковал Е. В. Тарле за реабилитацию внешней политики царизма и забвение марксистских принципов. Отвечая им, Тарле утверждал, что внешняя политика империи во многих случаях соответствовала национальным интересам России, и довольно откровенно настаивал на преемственности царской и советской внешней политики.⁷⁰ Напрашивается предположение, что такая откровенность Е. В. Тарле в значительной мере была обусловлена его опытом работы в Комиссии Литвинова: зная, как практически ставятся вопросы внешней политики, он не считал нужным прибегать к идеологическому камуфляжу. Но Е. В. Тарле недооценил неуместность такой откровенности и был подвергнут критике в партийной печати.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков / Отв. ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1995. С. 75.

² См. прежде всего: СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации / Сост. Г. П. Кынин и И. Лауфер. М., 1996. Т. 1. 1941—1945 гг. Также: Кынин Г. П. Германский вопрос во взаимоотношениях СССР, США и Великобритании 1941—1945 гг. Обзор документов // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 103—106; Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit: Zwei deutschlandpolitische Denkschriften des sowjetischen Historikers E. V. Tarle // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. 1995. N 1. S. 271—288.

³ См.: СССР и германский вопрос. С. 26, 55. Секретарями Комиссии являлись сотрудники НКВД Г. Ф. Саксин, а затем М. М. Юнин.

⁴ Предшественницей Комиссии Литвинова (как ее в обиходе называли) была Комиссия по подготовке дипломатических материалов, созданная решением Политбюро 28.1.1942 г. по предложению С. А. Лозовского (см.: СССР и германский вопрос. С. 141—143, 146—148). Однако в самый острый период войны вопросы послевоенного устройства казались делом очень отдаленного будущего, и Комиссия, как видно из отчета ее секретаря, в значительной мере существовала на бумаге (Там же. С. 188—193).

⁵ *Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. S. 272.*

⁶ СССР и германский вопрос. С. 232—233.

⁷ Оба они стали членами, а Майский и председателем созданной несколько позже (23.XI.1943 г.) Комиссии по возмещению ущерба.

⁸ СССР и германский вопрос. С. 236—237.

⁹ Там же. С. 243—248.

¹⁰ Там же. С. 237.

¹¹ М. Шульце-Вессель, опубликовавший эту записку в немецком переводе, датирует ее июлем 1943 г. (*Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. S. 279*), по-видимому, на основании пометки архивиста на обложке папки, которая, однако, в данном случае не имеет авторитета.

¹² АВПРФ, ф. 0512, оп. 4, пап. 18, д. 122, л. 4.

¹³ Там же, л. 4—5.

¹⁴ Там же, л. 5.

¹⁵ Там же, л. 6.

¹⁶ Там же, л. 7—8.

¹⁷ *Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. S. 282—288.* По-видимому, здесь неправильно указан шифр. Во всяком случае, получить этот документ в АВПРФ мне не удалось, и я вынужден цитировать его в обратном переводе с немецкого.

¹⁸ *Ibid. S. 282—283.*

¹⁹ *Ibid. S. 283—284.*

²⁰ *Ibid. S. 285.*

²¹ *Ibid.*

²² См.: СССР и германский вопрос. С. 419—449.

²³ Там же. С. 450—454.

²⁴ В делах Комиссии имеется еще краткая историческая справка о Германии, составленная Тарле в декабре 1943 г. (АВПРФ, ф. 0512, оп. 4, пап. 18, д. 122, л. 9—11).

²⁵ АВПРФ, ф. 0512, оп. 4, пап. 27, д. 246.

²⁶ См., например: «Начиная с Наполеона, мысль о полном отсутствии сколько-нибудь серьезных реальных мотивов к вражде между Францией и Россией не переставала, так сказать, „бытовать“ в истории отношений между двумя странами. „Из-за чего мы воюем с вами?“ — таков был первый вопрос Наполеона Александру, как только они (впервые в жизни) лично встретились на неманском плоту у Тильзита в июне 1807 г.» (Там же, л. 1).

²⁷ АВПРФ, ф. 0512, оп. 2, пап. 8, д. 4, л. 31—32.

²⁸ Там же, л. 30—31.

²⁹ Там же, л. 31.

³⁰ Там же, л. 33—34.

³¹ Там же, л. 37.

³² Там же, л. 38.

³³ Там же, л. 38—39.

³⁴ Там же, л. 40.

³⁵ Там же, л. 41—42.

³⁶ Там же, л. 45.

³⁷ Там же, л. 46.

³⁸ Там же, л. 47.

³⁹ Там же, л. 51.

⁴⁰ Там же, л. 60.

⁴¹ Там же, л. 73.

⁴² Там же, л. 50.

⁴³ Там же, л. 76—77.

⁴⁴ Там же, л. 79.

⁴⁵ Там же, л. 83.

⁴⁶ Там же, л. 88.

⁴⁷ Там же, л. 99—100.

⁴⁸ Там же, л. 106—107.

⁴⁹ Там же, л. 110—111.

⁵⁰ Там же, л. 111.

⁵¹ Там же, л. 112.

⁵² Тарле принимал также участие в заседаниях Комиссии, посвященных Аландскому вопросу и Кильскому каналу (22.VII.1944 г.) и Албании и Кипру (15.II.1945 г.). Это последнее известное нам деловое заседание Комиссии. «15.XI.1945 г. состоялось заседание Комиссии, на котором М. М. Литвинов подвел итоги и дал оценку ее работы. 19.XI. он направил В. М. Молотову и внес предложение поставить перед правительством вопрос о ликвидации Комиссии как выполнившей в поставленных ей пределах возложенные на нее задачи» (СССР и германский вопрос. С. 665).

⁵³ *Schulze Wessel M. Hegemonie oder europäische Sicherheit. S. 276.*

⁵⁴ *Ibid. S. 277.*

⁵⁵ *Ibid. S. 278, 272.*

⁵⁶ См.: СССР и германский вопрос. С. 252—263.

⁵⁷ АВПРФ, ф. 0512, оп. 4, пап. 18, д. 125.

⁵⁸ СССР и германский вопрос. С. 305—312.

⁵⁹ Там же. С. 286—305.

⁶⁰ Некоторая неувязка в датах объясняется, вероятно, тем, что записки Сурица и Тарле фактически были переданы Литвинову несколькими днями раньше и зарегистрированы секретариатом после их использования. 11.X.1943 г. был зарегистрирован целый ряд записок по германскому вопросу, в том числе Варги и Мануильского, которые по сохранившимся сопроводительным письмам датируются соответственно 27.IX. и 9.X.1943 г.

⁶¹ СССР и германский вопрос. С. 597—600.

⁶² *Кышин Г. П. Германский вопрос... С. 93.*

⁶³ См.: Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве. М., 1942. 2-е изд. М., 1943.

⁶⁴ См.: СССР и германский вопрос. С. 227, 664.

⁶⁵ *Mayer H. Über Deutschtum und Preußentum (1944) // Mayer H. Karl Marx und das Elend des Geistes. Meissenheim am Glan, 1947. S. 43.*

⁶⁶ *Lukács G. «Über Preussentum // Internationale Literatur. Deutsche Blätter. 1943. Hf. 5. S. 36—47.* Статья включалась в различные издания сочинений Лукача. См., например: *Lukács G. Schriften zur Ideologie und Politik. Neuwied: Berlin, 1967. S. 330—353.*

⁶⁷ Приведем еще один пример. При обсуждении в Комиссии записки Литвинова «Обращение с Германией» 14.III.1944 г. состоялся следующий диалог: «Тов. Лозовский высказывает опасение, что с переходом к полякам Восточной Пруссии они получат господство над большим отрезком Балтийского моря. При помощи Восточной Пруссии и Силезии Польша может превратиться в мощную страну сильнее Пруссии, что опасно при польских антирусских тенденциях. Выгодно ли нам так усили-

вать Польшу? <...> Тов. Литвинов согласен с тов. Лозовским также в отношении нежелательности чрезмерного усиления Польши. Лично он готов был бы максимально урезать ее, но политическая обстановка диктует нам некоторое усиление Польши» (СССР и германский вопрос. С. 452).

⁶⁸ См.: Шейнис З. С. М. М. Литвинов: революционер, дипломат, человек. М., 1989. С. 184.

⁶⁹ Хаслэм Дж. Литвинов, Сталин и путь, по которому не пошли // Советская внешняя политика в ретроспективе 1917—1991. М., 1993. С. 80.

⁷⁰ См.: Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. С. 80—85.

В. С. Мясников

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОМ ЭТАПЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

С 14 по 17 июня 1981 г. проходил визит в Китай государственного секретаря США А. Хейга. Его принимали Дэн Сяопин, Чжао Цзыян и другие высокопоставленные официальные лица. В речах подчеркивалась «стратегическая необходимость» развития китайско-американских отношений, выражалась уверенность, что имеющиеся в этих отношениях трудности могут быть преодолены, если стороны будут исходить из общности «стратегических интересов».¹ Предметом обсуждения на переговорах были положение в Юго-Восточной Азии, Корею, ситуация в Восточной Европе и события в Польше. Хейг подчеркнул «близость» позиций США и КНР по обсуждавшимся проблемам, отметил важность их сотрудничества «не только в районе Азии и Тихого океана, но и во всем мире». Таким образом, визит Хейга в Пекин обозначил качественно важную перемену в китайско-американских отношениях.²

Визит А. Хейга был первым официальным контактом рейгановской администрации с китайскими лидерами. В то же время он являлся логическим продолжением линии предыдущей вашингтонской администрации, особенно четко проявившейся в ходе визита Дэн Сяопина в США, Г. Брауна и З. Бжезинского в КНР. Месяц спустя после встречи с Хейгом Дэн Сяопин принимал в Пекине отставного помощника президента по национальной безопасности З. Бжезинского. За Бжезинским в Китай вскоре пожаловал и бывший президент Д. Картер, выразивший свое восхищение успехами Китая в создании военно-морских сил.

Но передача «китайской эстафеты» от одной американской администрации другой не прошла гладко. Еще во время предвыборной кампании Р. Рейган не скрывал своих намерений укреплять связи с Тайванем. Некоторые из его советников придерживались такого же взгляда, хотя были и другие. Например, в предвыборной «команде» Рейгана был М. Пиллсбери, китаевед, ориентированный на экстремистские круги Пентагона и соответственно выражавший их курс. Еще в 1975 г. статья М. Пиллсбери о возможности продажи военных материалов не Тайваню, а КНР была пробным шаром американской политики в этом направлении.³

Китайское руководство почувствовало колебания вашингтонских политиков и поспешило оказать на них нажим. На встрече с японской делегацией 4 декабря 1980 г. Дэн Сяопин в духе традиционной китайской дипломатии, считавшей персональные обвинения в адрес политических деятелей противной стороны эффективным оружием, заявил, что «среди сотрудников Рейгана имеются некоторые лица, пытающиеся нанести вред китайско-американским отношениям».⁴